

Hostages of Historical Conflicts and Utopian Projects

Utopia, the universe's light,
The poet-sage, rage in your prophecy, –
A day in radiance unseen,
Or an unprecedented night!

Nikolai Tikhonov. 1918

This issue of *Quaestio Rossica* offers important insights into themes that have often affected unexpected areas of life: the history of migration and the complex relationship between utopia and reality both during the Soviet period and in the present.

The *Problema voluminis* section covers refugees and forced migration in the history of Russia and other countries. Such a topic, in which political and historical events are closely intertwined with personal biographies, directs researchers to study the causes and key factors of this phenomenon, aiming to understand the psychological attitude and values of people who radically changed their lives, moving away from unfavourable circumstances and the socio-cultural environment in which they occurred. Our authors address the evacuation of the civilian population during the world wars of the twentieth century.

Artur Górak and *Krzysztof Latawiec* (Lublin, Poland) study the evacuation of customs offices from the Kingdom of Poland deep into the Russian provinces in the summer of 1914 as a premeditated process, proving that plans to move these structures to the east in case of war were evidently made as early as the end of the nineteenth century. *Mikhail Khodyakov* (St Petersburg, Russia) offers a look at the initial period of the Great Patriotic War and the Siege of Leningrad, showing the unpreparedness of the city authorities for the massive influx of refugees, which led to the death of a large number of people. The data in these articles convincingly demonstrate the close connection of the world wars with the emergence of new flows of international migration.

The evolution of the Russian diaspora in the Asia-Pacific region on the eve and during the Second World War, and the attempts of White émigrés to find their place within the Japanese Greater East Asia project, are reflected in the article by *Sergey Smirnov* (Yekaterinburg, Russia).

The author demonstrates that this project contained the threat of loss of national identity for Russian emigrants to Manchuria, so most had to abandon their initial integration strategies.

The Second World War had a particular impact on the formation of massive refugee movements in Europe, thus requiring an international response. *Alexey Antoshin* and *Julia Zapariy* (Yekaterinburg, Russia) analyze the perception of post-war Germany international refugee organizations among emigrants from Russia and the Soviet Union. This problem affected almost all continents after the Second World War. *Marina Moseykina* (Moscow, Russia), describing the role of Argentina in the reception of immigrants from Russia and the USSR, shows the changes in the country's migration policy towards these people under the influence of domestic policy and the international situation.

A number of authors focus on the axiological aspects of emigration. *Benjamin Tromley* (Tacoma, USA) analyzes the biography of V. V. Pozdnyakov, a Soviet officer who created the ideological justification for the fight against the Soviet Union in the Vlasov army; during the Cold War, he cooperated with the CIA. The article shows that as a flip side of his decisions, personal dissatisfaction pursued Pozdnyakov throughout his life. *Sławomir Łukasiewicz* (Lublin, Poland) analyzes émigré intellectuals from Central and Eastern Europe during the Cold War. The articles presented in this section show the ambiguity and multidimensional nature of forced migration, as well as its close connection with the specifics of the era in which a person has to make difficult life choices.

The issue's next topic offers a deliberation on the propaganda image of Soviet childhood. The magazine *La Littérature internationale*, published in Moscow in the early 1930s, created a utopian image of the ideal world of childhood in the Soviet Union, broadcasting it to Western countries, as *Evgeniia Belskaia's* (Moscow, Russia) article shows. Propaganda myths for children about amazing machinery, capable of protecting and changing the world around us, were created in the pre-war USSR, tuning children into an optimistic belief in the care of the all-mighty state and a better future. The rural tractor became a symbol of the movement to happiness, as *Anna Vyrupaeva* (Chelyabinsk, Russia) concludes in her article, based on an analysis of children's books.

Studies of childhood memories have led *Jakub Sadowski* (Krakow, Poland) to argue for the indispensable role of Soviet animation in the formation of such memories. Feelings like mischief and especial kindness in relationships were vividly imprinted in the memory. Animation, as a genre of Soviet art, happily managed to avoid ideological directness, and so its best examples truly showed the "human face" of socialism to several generations.

Soviet propaganda is also discussed in connection with the dichotomy between an imagined "bright future" and "harsh reality" that broke and amended the initial belief in utopia. The development of this topic begins in the article by *Taisiya Paniotova* and *Maxim Romanenko* (Rostov-on-Don,

Russia) on the utopian semantics of Soviet revolutionary celebrations. Although this topic has been raised more than once, the authors manage to find their own approach – the manifestation of carnivalization as long-awaited freedom and a long-awaited new world. The study is based on an analysis of the utopian chronotope and the symbolic meanings of holidays. The article by *Olga Turysheva* (Yekaterinburg, Russia) on depictions of the tragic 1959 Dyatlov incident in literature and modern cinema unexpectedly comes into contact with the topic of Soviet heroism. The analysis of the artistic representations of the mysterious tragedy while most of the true evidence was concealed shows that this leads either to fantastic explanations of an ethnic or love-related origin or to a bigger conspiracy theory, and none of these explanations reveal the true tragedy of the young people who died in the northern Urals.

The journal's editorial board offers an unusual perspective on the history of rural medicine in the pre-war USSR. Various sources, and most importantly their academic study, have created a contradictory image of rural medicine for peasants during the forced collectivization of the 1930s. *Dmitrii Khristenko* (Yaroslavl, Russia) uses original sources, the memoirs of foreigners who visited Russia in the 1920s and 1930s. Comparing tsarist Russia and Soviet Russia, they argued in their writings about a fundamental difference in the situation of peasants, especially insisting on the emergence of medical services. To support his argument, the author draws on newspaper speeches and the reports of doctors' congresses. This opinion is opposed by *Sergey Zatravkin* and *Elena Vishlenkova* (Moscow, Russia); on the basis of statistics and other documents, the authors show the complexity of this problem, associated with the stratification of society and, accordingly, the stratification of medical care, which was directed by the state towards its own bureaucracy and large industrial centers and did not solve issues in the countryside. Together with propaganda texts, in their opinion, the publications of foreigners exaggerated the achievements of the Soviet regime, idealizing the position of provincial doctors and depreciating the need for medical care among the peasants.

Natalya Pushkareva and *Alexander Zhidchenko* (Moscow, Russia) address the history of another Soviet experiment: the creation of Akademgorodok, Russia's first scientific centre near Novosibirsk, in the late 1950s. Based on the memoirs of contemporaries, they recreate the features of everyday life and analyze female participation in science. In the context of the unprecedented scale of academic research, women received new options for applying their capabilities. The article also reveals the limitations that women encountered at the time, which often still remain in force in the academic world. *Elvira Symaniuk*, *Irina Polyakova*, and *Andrey Menshikov* (Yekaterinburg, Russia) discuss a new type of family relations caused by medical reproductive technologies. The development of opportunities to overcome infertility, in addition to unconditional positive effects, has had complex consequences for the family. These authors from Ural Federal

University try to understand the complexity of these consequences on the basis of interviews and various opinions.

We also encounter the science of the Soviet era and the fates of scientists in the *Hereditas: nomina et scholae* section. Here, the focus is on different generations, their different interests (history and linguistics), and their different geographical regions (Moscow and distant Perm). However, they were united by their love for science, which became the center of their lives, allowing them to preserve dignity and humanity in various conditions. Articles by *Temurmalik Kholmatov* (Moscow, Russia) about the historian Stepan Borisovich Veselovsky and by *Elena Bazhenova* (Perm, Russia) on Margarita Nikolaiyevna Kozhina, the founder of the Perm School of Stylistics, are a vivid confirmation of such devotion.

Soviet diplomacy, its successes, and miscalculations are presented in the *Disputatio* section. Diplomatic efforts aimed at introducing Russia into common European politics and the discussion of the “Russian question” at the Entente Conference (London and Cannes) of 1921–1922 are described by *Iskander Magadeev* (Moscow, Russia). The article by *Aleksandr Vershinin* (Moscow and Yekaterinburg, Russia) about the failure of Soviet-French negotiations on an anti-German convention continues to examine the history of interaction between Soviet and European diplomacy. Bearing in mind the further history of Europe, the author states that diplomatic misunderstandings come at great cost to humanity.

The *Controversiae et recensione*s section publishes articles reviewing recent books about the Soviet Union. *Anna Menshchikova* (Yekaterinburg, Russia) examines the book of anthropologists A. Arkhipova and A. Kirzyuk *Dangerous Soviet Things: Urban Legends and Fears in the USSR* (2020), noting its uniqueness in terms of using urban legends to understand Soviet everyday life. *Grigory Khanin's* article (Novosibirsk, Russia) analyzes with academic thoroughness the latest volume in a long-term work on the pre-war Soviet economy by British economists headed by R. Davis. Khanin not merely examines various aspects of the book, but also provides clarifying information that deepens academic understanding of crises in the Soviet economy.

Concluding the review of this issue, we cannot neglect the publication of new documents from the archive of the St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Related to the activities of A. I. Ushakov, the irreplaceable head of the early eighteenth-century Russian Secret Chancellery, these documents have been prepared for publication by *Evgenii Anisimov*, *Tatiana Bazarova*, and *Maria Proskuryakova* (St Petersburg, Russia). Zealous state service allowed Ushakov to remain at the head of the political elite for many years. The documents show the degree of trust in the authorities and the variety of Ushakov's activities from 1714 to 1721.

Alexey Antoshin, Julia Zapariy, Larisa Soboleva
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Утопия – светило мироздания,
Поэт-мудрец, безумствуй и пророчь, –
Иль новый день в невиданном сиянье,
Иль новая, невиданная ночь!

Николай Тихонов. 1918

В этом выпуске обсуждаются острые темы из истории миграции, сложного соотношения утопии и реальности в советском периоде и современности, затрагивающие подчас неожиданные сферы жизни.

Рубрика *Problema voluminis* открывается проблемой «Антропология бегства и вынужденной миграции: история и судьбы», ставшей актуальной в современном мире. Эта весьма болезненная тема сопровождает человечество на протяжении всей его истории, вызывая желание исследователей разобраться в причинах и ключевых факторах данного феномена, осмыслить психологические и ценностные установки людей, которые принимают решение радикально изменить свою жизнь, уйдя от неблагоприятных обстоятельств и той социокультурной среды, в которой они сформировались.

История XX в. дает богатейший материал для исследователей миграционных процессов. Авторы журнала неизбежно обращаются к проблемам эвакуации гражданского населения в условиях мировых войн XX в. Так, в статье *Артура Горака* и *Кишиштофа Латавеца* (Люблин, Польша) характеризуется эвакуация таможенных учреждений из Царства Польского вглубь России летом 1914 г. как заранее подготовленный процесс и доказывается, что планы по перемещению данных структур на восток в случае войны разрабатывались с конца XIX в. *Михаил Ходяков* (Санкт-Петербург, Россия) рассказывает о трагических страницах начального периода Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда, показывая, что власти города оказались не готовы к массовому наплыву беженцев, что привело к гибели большого количества людей.

Материалы убедительно показывают тесную связь мировых войн XX в. с возникновением новых потоков международных миграций. Эволюция русской диаспоры в Азиатско-Тихоокеанском регионе накануне и в годы Второй мировой войны, попытки белой эмиграции найти свое место в рамках японского проекта Великой Восточной Азии отражены в статье *Сергея Смирнова* (Екатеринбург, Россия). Автор доказывает, что данный проект содержал для русской эмиграции в Маньчжурии угрозу потери национальной идентичности, поэтому большинство эмигрантов отказались от интеграционных стратегий.

Вторая мировая война оказала особое влияние на формирование массовых потоков беженцев в Европе, что потребовало международного ответа на данный вызов. *Алексей Антошин* и *Юлия Запарий* (Екатеринбург, Россия) анализируют восприятие эмигрантами из России и Советского Союза деятельности международных организаций

помощи беженцам в послевоенной Германии. Эта проблема затронула после Второй мировой войны практически все континенты. В статье *Марины Мосейкиной* (Москва, Россия), характеризующей роль Аргентины в приеме выходцев из России и СССР, показаны изменения миграционной политики страны в отношении этих людей под влиянием внутрисполитической ситуации и международной обстановки.

Ряд авторов концентрируют свое внимание на аксиологических аспектах проблемы эмиграции. *Бенджамен Тромли* (Такома, США) анализирует жизненный путь В. В. Позднякова – советского офицера, которому выпало на долю идеологическое обоснование борьбы с Советским Союзом во власовской армии, а во время холодной войны – сотрудничество с ЦРУ. В статье показано, что личная неудовлетворенность как обратная сторона принятых решений преследовала его на всем жизненном пути. *Славомир Лукашевич* (Люблин, Польша) анализирует феномен интеллектуалов-эмигрантов из стран Центральной и Восточной Европы в годы холодной войны. Представленные в данной рубрике статьи показывают всю неоднозначность и многоаспектность такого феномена, как вынужденная миграция, его тесную связь со спецификой эпохи, в которую человеку приходится делать нелегкий жизненный выбор.

Следующая проблема посвящена советскому детству в его пропагандистской сути. Выпускавшийся в Москве журнал «Littérature internationale», как об этом повествует статья *Евгении Бельской* (Москва, Россия), во втором номере за 1934 г. подборкой материалов создавал утопический образ идеального мира детства в Советском Союзе, транслируя его в страны Запада. Пропагандистский миф об удивительной технике, способной защитить и изменить окружающий мир, создавался в довоенном СССР для детей, формируя в них оптимистическую веру в государственную заботу и лучшее будущее. Сельский трактор стал символом движения к счастью, на основе анализа детских изданий к такому заключению приходит *Анна Вырупаева* (Челябинск, Россия).

Исследования воспоминаний о детстве современников привели *Якуба Садовского* (Краков, Польша) к выводу о существенной роли советской мультипликации в формировании образа детства. Особенно ярко в памяти запечатлевались фильмы, в которых присутствовали мотивы озорства и особая доброта отношений. Этому виду советского искусства удалось счастливо избежать идеологической прямолинейности, его лучшие образцы по-настоящему стали произведениями с «человеческим лицом» для нескольких поколений.

Советская парадигма обсуждается в разных аспектах в связи с проблемой пропаганды светлого будущего и «суровой действительности», ломавшей и корректировавшей веру в утопию. Раскрытие темы начинается в статье *Таисии Паниотовой* и *Максима Романенко* (Ростов-на-Дону, Россия) об утопической семантике советских революционных празднеств. Хотя эта тема не раз поднималась в исследовательском ракурсе, авторам удастся найти свой поворот ее изучения – проявление карнавализации как долгожданной свободы и нового мира на основа-

нии анализа утопического хронотопа и символики в феномене праздника. Неожиданно соприкасается с темой осмысления советского героизма статья *Ольги Турышевой* (Екатеринбург, Россия), посвященная воплощению трагической гибели в 1959 г. туристов (группы Дятлова) в литературе и современном кино. Анализ художественных попыток показать трагедию в условиях сокрытия материалов приводит либо к фантастическим объяснениям этнического или любовно-интригующего толка, либо к конспирологической теории, отнюдь не раскрывающим подлинную трагедию погибших на Северном Урале молодых людей.

В неожиданном ракурсе редколлегии журнала удалось представить спор о судьбе сельской медицины в довоенном СССР. Различные источники, а главное, их научное осмысление создают разноречивый образ состояния сельской медицины и заботы о крестьянах в условиях насильственной коллективизации 1930-х гг. *Дмитрий Христенко* (Ярославль, Россия) привлекает неожиданные и оригинальные источники – воспоминания иностранцев, посетивших Россию в 1920–1930-х гг. Сопоставляя царскую Россию и советскую, они утверждали в своих сочинениях о наличии принципиальной разницы в положении крестьян, особенно настаивая на возникновении медицинского обслуживания, ранее не существовавшего. Для объективизации своего взгляда автором привлекаются тексты газетных выступлений и отчетов съездов врачей. Этому мнению противостоит статья *Сергея Затравкина* и *Елены Вишленковой* (Москва, Россия), в которой на основе статистики и документов иного рода показывается сложность проблемы, связанной с проявлявшейся стратификацией общества и, соответственно, медицинского обслуживания, направлявшегося государством на чиновничью бюрократию и крупные центры промышленности и не решавшей проблемы села. В совокупности с текстами пропагандистского характера, по их мнению, в выступлениях иностранцев происходило возвеличивание советского режима, сопровождавшееся явной идеализацией положения врачебного корпуса, и нивелирование крестьянских потребностей в медицине.

К истории советского эксперимента – созданию в конце 1950-х гг. первого в России научного центра под Новосибирском, получившего именование Академгородок – обращаются *Наталья Пушкарева* и *Александр Жидченко* (Москва, Россия). На основе воспоминаний современниц они воссоздают особенности бытовой жизни того времени и анализируют типы женского участия в науке. В контексте невиданного прежде размаха научного поиска женщины получили новые варианты реализации своих возможностей. В статье раскрываются и те ограничения, которые преследовали женщину и до сих пор сохраняют свою силу в научном мире. В работе *Эльвиры Сыманюк*, *Ирины Поляковой*, *Андрея Меньшикова* (Екатеринбург, Россия) публикуются размышления о новом типе семейных отношений, вызываемых медицинскими репродуктивными технологиями. Развитие возможностей преодоления бесплодия, помимо безусловно положительного эффекта, имеет сложные последствия для семьи

и потомства. В их переплетении на основании интервью и различных мнений разбираются авторы из Уральского университета.

С наукой советского времени и сложными судьбами ученых мы сталкиваемся в статьях из рубрики *Hereditas: nomina et scholae*. Перед нами разные поколения и разные сферы приложения сил – история и лингвистика, разные географические регионы – Москва и далекая Пермь. Но объединяет их любовь к науке, ставшей судьбой и всей жизнью, позволившая сохранить достоинство и человечность в различных условиях. Статьи *Темурмалика Холматова* (Москва, Россия) об академике, историке Степане Борисовиче Веселовском и *Елены Баженовой* (Пермь, Россия) об основателе Пермской стилистической школы Маргарите Николаевне Кожиной – яркое тому подтверждение.

Советская дипломатия, ее успехи и просчеты представлены статьями в рубрике *Disputatio*. Дипломатические усилия, направленные на вхождение в контекст европейской политики, и перипетии обсуждения «русского вопроса» на конференции Антанты (Лондон, Канны) 1921–1922 гг. рассматриваются *Искандером Магадеевым* (Москва, Россия) на основании архивных документов. Продолжением истории взаимодействия советской дипломатии и европейской стала статья *Александра Вершинина* (Москва, Екатеринбург) о провале советско-французских переговоров об антинемецкой конвенции. Памятуя о дальнейшей истории Европы, автор говорит о том, что уроки дипломатического непонимания дорого обходятся человечеству.

В рубрике *Controversiae et recensiones* публикуются статьи, в основе которых лежит обсуждение недавно вышедших книг о стране Советов. *Анна Меньщикова* (Екатеринбург, Россия) разбирает книгу антропологов А. Архиповой и А. Кирзюк «Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР» (2020), отмечая ее уникальность в плане материала (городские легенды) и новые повороты в осмыслении советской обыденности. В статье *Григория Ханина* (Новосибирск, Россия) с высокой научной тщательностью анализируется многолетняя работа по истории довоенной советской экономики английских экономистов, возглавляемых Р. Дэвисом. Г. Ханин не только рассматривает различные аспекты книги, но приводит дополнительные уточняющие сведения, углубляющие научные представления о кризисных явлениях советской экономики.

Завершая обзор номера, не забудем упомянуть публикацию *Евгением Анисимовым, Татьяной Базаровой, Марией Проскураковой* (Санкт-Петербург, Россия) новых документов из архива Санкт-Петербургского института истории РАН, связанных с деятельностью А. И. Ушакова – незаменимого главы Тайной канцелярии. Ревностное служение государству позволило ему оставаться во главе политической элиты на протяжении многих лет. Документы показывают степень доверия власти Ушакову и разнообразие его деятельности с 1714 по 1721 г.

Алексей Антошин, Юлия Запарий, Лариса Соболева
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия